

На правах рукописи

ПРУДОВСКИЙ Петр Игоревич

Дипломатические отношения России и Бранденбургско-
Прусского государства в середине XVII века

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2008

Работа выполнена на кафедре истории России до начала XIX в. исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Научный руководитель: доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН
Флоря Борис Николаевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Кобзарева Елена Игоревна,
(Институт российской истории РАН)

кандидат исторических наук
Кочегаров Кирилл Александрович
(Институт славяноведения РАН)

Ведущая организация: **Московский государственный областной университет**

Защита диссертации состоится «25» ноября 2008 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.72 при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, ауд. А 416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Г. Р. Наумова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы. Расширение круга государств, с которыми Россия имела дипломатическое сообщение, происходившее в течение XVII века, свидетельствует о все более тесном включении России в систему международных отношений, формировавшуюся в Европе. Этот процесс, однако, не был равномерным; он представлял собой ряд всплесков, обусловленных сиюминутной политической конъюнктурой, в рамках которой Россия все более активно использовала дипломатические методы для достижения своих целей (остававшихся, в целом, примерно постоянными: в первую очередь возвращение утраченного в Смуту и нейтрализация крымской угрозы). Один из подобных всплесков произошел в 50-х годах XVII века, когда начав в 1654 г. войну с Речью Посполитой, обрушившую хрупкое равновесие в регионе, Россия оказалась вовлечена почти в самую гущу европейской политики.

В этот исторический момент были установлены дипломатические отношения России с Бранденбургско-Прусским государством, которое тогда, при «великом курфюрсте» Фридрихе Вильгельме, встало на путь возвышения, приведший через полвека к провозглашению королевства Пруссии, одной из великих держав XVIII века. В середине 1650-х годов международное значение Бранденбурга было еще невелико; тем не менее отношения России с ним в течение нескольких лет по интенсивности не уступали ее контактам со многими традиционными партнерами. В этом факте наглядно проявляется общая для истории XVII века тенденции к углублению связей России и Европы.

Конкретное понимание этой тенденции возможно только при последовательном изучении того, каким содержанием наполнялись контакты России с каждым ее новым контрагентом среди европейских стран. Применительно к рассматриваемой теме это подразумевает, прежде всего, выяснение того, какое место занимали русско-бранденбургские отношения в системе внешних связей России и Бранденбурга, какую роль они отводили

друг другу в своей внешней политике, каких выгод они стремились добиться и какого ущерба избежать благодаря этим контактам. Иными словами, необходимо реконструировать тот курс российской политики, который проявлялся в её отношениях с Бранденбургом, и ту политическую позицию, которая лежала в основе принятого курса, а также оценить эффективность российской дипломатии в его проведении, со всеми его колебаниями, обусловленными динамикой международно-политической конъюнктуры. При этом под внешнеполитическим курсом государства мы понимаем систему иерархически соподчиненных общих и частных целей политического субъекта. Аналогичная реконструкция необходима и для российского направления политики курфюрста Фридриха Вильгельма, ибо без неё деятельность российской дипломатии в области контакта с ним не может быть вполне объяснена.

Следовательно, проблема русско-бранденбургских дипломатических отношений середины XVII века, с одной стороны, распадается на проблемы формирования и эффективности политического курса партнеров друг по отношению к другу, а с другой – включается в качестве необходимого звена в такие более общие проблемы, как интеграция России в европейскую систему международных отношений и типология внешних связей Московского государства.

Из сказанного ясно, что **предметом** работы является курс российской внешней политики по отношению к Бранденбургу в рамках международной политической конъюнктуры в регионе. В таком случае **объектом** исследования становятся отдельные явления и события дипломатической истории, относящиеся к русско-бранденбургскому контакту, сведения о которых мы находим в источниках. Поэтому фактически мы имеем два уровня исследуемого объекта: во-первых, документацию об интересующих нас событиях и, далее, сами эти события, картину которых мы восстанавливаем по источникам.

Актуальность темы исследования обусловлена растущим в последние годы интересом со стороны как российских исследователей, так и украинских, белорусских и польских коллег к военно-политической истории России и сопредельных стран в середине XVII в., прежде всего, к сюжетам русско-польской (1654—1667 гг.), польско-шведской (1655—1660 гг.) и русско-шведской (1656—1661 гг.) войн.

Хронологические рамки исследования – 1654—1658 годы. Выбор этих дат был обусловлен и особенностями развития русско-бранденбургского контакта, и изменениями международной обстановки в Восточной Европе, оказывавшими на него определяющее воздействие. В 1654 г., с началом русско-польской войны, впервые возникли условия для заинтересованности России и Бранденбурга друг в друге ввиду того, что польский вопрос занимал ведущее место во внешней политике обоих государств. Вслед за первой российской миссией в Берлин, порученной подьячему Ф. Ф. Порошину, последовал всё увеличивающийся поток посольств в обе стороны, достигший пика интенсивности в 1656 г., когда к пересечению интересов контрагентов в польском вопросе добавился, в связи с началом русско-шведской войны, и вопрос шведский. Обсуждение этих вопросов продолжалось довольно активно до 1658 г., когда возобновление русско-польской войны привело к почти полному прекращению русско-бранденбургского сообщения.

Целью работы является анализ и интерпретация русско-бранденбургских дипломатических контактов середины XVII века в контексте европейской системы международных отношений того времени.

Задачи работы обусловлены ее предметом и подчинены ее цели. Они состоят в анализе первичных данных и восстановлении хода русско-бранденбургского контакта, анализе представлений российского и бранденбургского правительств о контрагенте и их планов по его инкорпорации в свою систему внешнеполитических связей, анализе дипломатических акций, конституирующих русско-бранденбургский контакт, в свете влияния на них политической обстановки в регионе, анализе

русско-бранденбургских контактов как фактора международной политики. При этом изучение отдельных дипломатических акций предполагает выявление в первую очередь задач, которые они должны были решить, и результатов, которых им удалось достигнуть.

Степень научной разработанности темы. До настоящего времени тема русско-бранденбургских отношений середины XVII века находилась на периферии научного интереса. Вследствие этого в национальных историографических школах, кроме немецкой, не сложилось традиции ее изучения. Однако в последние годы ряд важных шагов в ее исследовании сделала отечественная историография.

Историю изучения русско-бранденбургских отношений можно разделить на 4 этапа.

1. С середины XIX века шло постепенное и на первых порах весьма фрагментарное введение темы в научный оборот. Иногда в поле зрения историков попадали те или иные относящиеся к ней эпизоды¹.

Впервые концептуальное осмысление русско-бранденбургских контактов XVII века было произведено малогерманской исторической школой, пионером которой выступил И. Г. Дройзен. В его изображении российская экспансия в 1650-е годы угрожала Пруссии и сделалась одним из препятствий, которые пришлось преодолеть государству Гогенцоллернов в решении его исторической задачи – объединения Германии². При этом Дройзен не ставил своей задачей проследить на фактическом материале

¹ Orlich L. von. Geschichte des preußischen Staates im siebzehnten Jahrhundert. Berlin, 1838. Bd. 1. S.186; Erdmannsdörffer B. Graf Georg Friedrich von Waldeck. Ein preußischer Staatsmann im siebzehnten Jahrhundert. Berlin, 1869. S. 339, 388; Кёне Б. Посольство Ф. Порошина в Берлин в 1654 г. // Русская старина. Т. 32. 1881. Декабрь. То же (с дополнениями) по-немецки: Köhne B. von. Berlin, Moskau, St.-Petersburg 1649 bis 1763. Ein Beitrag zur Geschichte der freundschaftlichen Beziehungen zwischen Brandenburg-Preußen und Russland. Berlin, 1882.

² Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik. Bd. 3. Der Staat des Großen Churfürsten. Leipzig, 1863. Abth. 2. S. 290—292.

развитие русско-бранденбургских отношений, но ограничился привлечением лишь нескольких разрозненных эпизодов.

2. Интенсивная работа по изданию источников, относящихся к исследуемому периоду, проводившаяся во второй половине века и в России, и в Германии, способствовала осознанию самостоятельности этой темы³. С 1880-х годов она привлекает к себе гораздо большее внимание, а ее изучение – в основном, историками малогерманской школы – делается значительно более плодотворным. В их трудах, по сути, заложена основа для изучения бранденбургской политики по отношению к России. Курс же российской политики рассматривался ими, в силу привлечения в основном лишь немецкого документального материала, в совершенно недостаточной степени⁴. То же можно сказать и о труде российского историка Г. В. Форстена, в отличие от немецких исследователей, впрочем, обратившего внимание на общность интересов России и Бранденбурга в балтийском вопросе, но в целом оставшегося в рамках малогерманской проблематики возвышения Пруссии⁵. На основании этих специальных исследований многие авторы, занимавшиеся прусской историей и международными отношениями середины XVII в., привлекали данные о русско-бранденбургских контактах в своих исследованиях, не лишенных порой ценных наблюдений⁶. Подобный всплеск интереса к исследуемой теме,

³ Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Berlin, 1864 – 1930. Bd. 1—23; Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных древнею Россиею с иностранными державами. СПб., 1880. Т. 5.

⁴ Hirsch F. Die ersten Anknüpfungen zwischen Brandenenburg und Russland unter dem großen Kurfürsten. Berlin, 1885—1886. Т. 1—2; Hedenström A. Die Beziehungen zwischen Rusßland und Brandenburg während des ersten nordischen Krieges. 1655—1660. Marburg, 1896.

⁵ Форстен Г. В. К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского // Журнал Министерства Народного просвещения. 1900. № 6, 7, 8, 9. События 1650—1660 гг. рассмотрены в № 6, с. 305—330 и № 7, с. 22—31.

⁶ Haumant E. La guerre du Nord et la paix d’Oliva. Paris, 1893. P. 73—74, 146; Philippson M. Der Große Kurfürst Friedrich Wilhelm von Brandenburg. 1640 bis 1660. Berlin, 1897. Bd. 1. S.

однако, быстро прошел. Показательно, что после появления монографии Форстена на эту тему на протяжении 30 лет не выходило оригинальных исследований, пока Й. Круше не рассмотрел на основе обширных немецких архивных материалов широкий круг вопросов об организации дипломатических отношений между Россией и Бранденбургом, прежде всего, о бранденбургских посольствах в Россию, их пути, снабжении, размещении, затратах и тому подобном⁷.

3. С этого момента оригинальное исследование русско-бранденбургских отношений XVII в. в немецкой историографии практически сошло на нет. Можно упомянуть лишь о книге К. Форстройтера, где несколько страниц посвящены контактам двух государств в 1650-е годы; они, однако, весьма лапидарны и вносят мало нового в историю вопроса, а к тому же, не свободны от фактографических неточностей⁸. В большей части последующих сочинений, посвященных истории курфюрста Фридриха Вильгельма или русско-германских связей более позднего времени, в основу страниц об отношениях России и Бранденбурга положен фактический материал, собранный на рубеже XIX—XX веков⁹. Надо сказать, что при

197, 232, 241, 247; Waddington A. Le grand électeur Frédéric Guillaume de Brandenbourg. Sa politique extérieure. 1640—1688. Paris, 1905. T. 1. P. 146—147, 244—245, 248—250, 340—341, 354—355, 366—368, 384, 397, 406—408, 445—446, 475—476; idem. Histoire de Prusse. Paris, 1911. T. 1. P. 293, 311, 318; Carlon M. Ryska kriget 1656—1658. Stockholm, 1903. S. 10, 18—19, 24; Wittrock G. Marienburg och Labiau // Karolinska Förbundets Årsbok. 1922. Lund, 1923. S. 75, 98—99.

⁷ Krusche J. Die Entstehung und Entwicklung der ständigen diplomatischen Vertretung Brandenburg-Preußens am Carenhofe bis zum Eintritt Russlands in die Reihe der Europäischen Großmächte // Jahrbüher für Kultur und Geschichte der Slaven. N. F. Bd. 8. Breslau, 1932.

⁸ Forstreuter K. Preußen und Rußland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Großen. Göttingen, 1955. S. 158—164.

⁹ Opgenoorth E. Friedrich Wilhelm, der Große Kurfürst von Brandenburg. Göttingen u. a., 1971. Bd. 1. S. 329—330; Beuys B. Der Große Kurfürst: Der Mann, der Preussen schuf. Reinbeck bei Hamburg, 1984. S. 167—170; Hüttl L. Friedrich Wilhelm von Brandenburg, der Große Kurfürst.

достаточно оживленном интересе, какой вызывает в современной немецкой историографии курфюрст Фридрих Вильгельм, его отношения с Россией практически полностью выпали из поля зрения исследователей.

4. Некоторый интерес вызывала данная тема и у российских исследователей XX века. Изучая внешнюю политику России в 50-е годы XVII века, они не могли пройти мимо такого эпизода; основывались, однако, более на существующей русскоязычной историографии (труды Ф. Ф. Мартенса, Г. В. Форстена), а не на источниках¹⁰.

И лишь в современной российской историографии наметился поворот в изучении русско-бранденбургских отношений данного периода. В трудах Л. В. Заборовского и Е. И. Кобзаревой проведен весьма плодотворный подход к их исследованию. Для них важно было понять, какую роль играли отношения с Бранденбургом (как и с другими государствами, контакты с которыми России историки вовлекли в свои исследования) для российской внешней политики и какое место они занимали во внешнеполитических расчетах российского правительства. Иначе говоря, предметом исследования становилась именно российская внешняя политика как активный деятель в системе международных отношений. Однако в этих работах в центре внимания находятся все-таки в большей степени русско-польские и русско-шведские отношения; задачи целостно и последовательно изучить русско-

München, 1981. S. 214—215; Gloger B. Friedrich Wilhelm Kurfürst von Brandenburg: Biographie. Berlin, 1989. S. 124; Wessel M. S. Rußlands Blick auf Preußen. Die polnische Frage in der Diplomatie und der politischen Öffentlichkeit des Zarenreiches und des Sowjetstaates 1697—1947. Stuttgart, 1995. S. 27.

¹⁰ См.: Очерки истории СССР. Период феодализма: XVII век. М., 1955. С. 497—499; Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974; История внешней политики России. Конец XV—XVII век. М., 1999. С. 305, 306; Кретинин Г. В. Восточная Пруссия в российско-прусских отношениях (конец XVII – середина XVIII в.). Научный доклад на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1999. С. 22—29.

бранденбургские контакты исследователи перед собой не ставили¹¹. Заслугой Д.И. Иванова является то, что он, изучая русско-польские переговоры под Вильной (1656 г.), ввел в научный оборот новые сведения о русско-бранденбургских конфликтах на пограничье Пруссии и той части Литвы, которая была завоевана царскими войсками¹².

Нужно признать, что долгое время в изучении русско-бранденбургских отношений господствовала германская традиция; до самого последнего времени едва ли можно говорить о существовании особой российской историографической традиции в разработке нашей темы. В целом до появления работ Заборовского в литературе доминировал подход, видевший только в бранденбургской политике активный фактор, который тем или иным способом (обычно с целью нейтрализации русской опасности) воздействовал на российскую политику. Определённый интерес к русско-бранденбургской проблематике, прослеживаемый в современной российской историографии, но реализуемый пока только в исследовании отдельных эпизодов, оправдывает стремление изучить русско-бранденбургские отношения как элемент и самостоятельное направление внешней политики России на протяжении целостного периода.

Источниковой базой исследования послужили в первую очередь делопроизводственные документы, связанные с организацией и протеканием как российских, так и бранденбургских дипломатических миссий. Основным комплексом источников являются материалы фонда-коллекции Российского

¹¹ Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине 17 в.: Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С.35—39. См. также: Заборовский Л.В. Начало русско-польской войны и дипломатические контакты России с Австрией, Бранденбургом и другими европейскими державами (конец 1653 – январь 1655 г.) // Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971; Кобзарева Е. И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655—1661 гг. М., 1998.

¹² Иванов Д.И. Восточная Европа во внешней политике России середины XVII века. Русско-польские переговоры 1656 года. Дисс... канд. ист. наук. М., 2000. С.128—134.

государственного архива древних актов (РГАДА) «Сношения России с Пруссией», или «Прусские дела» (фонд 74). Материалы фонда исходят в основном из архива Посольского приказа. Наиболее существенный массив данных по русско-бранденбургским отношениям содержат столбцы – первичная форма приказного делопроизводства, сохранившие оригиналы многих документов, в том числе черновики, отразившие процесс работы над тем или иным решением. Как правило, столбец объединяет документацию, посвящённую одной дипломатической миссии; делопроизводство Посольского приказа при этом отражает различные этапы и аспекты подготовки и проведения российского или встречи иностранного посольства, хотя композиция дел о российских посольствах, с одной стороны, и о прибывавших к царю бранденбургских – с другой, обладает рядом отличий.

Подготовка посольства, в частности, определение его задач, становятся известными из наказа (инструкции) и царских грамот, в нашем случае – курфюрсту; его ход, с момента отъезда от царя до возвращения, освещен в статейном списке (дневнике-отчёте) и отписках (донесениях) дипломата, причем основной объем дневника занимает, как правило, рассказ о переговорах и других, порой неофициальных, контактах с представителями принимающего государства.

Приезд иностранного посольства документируется, что естественно, с момента появления дипломата на пограничной заставе; его продвижение к Москве сопровождается царскими указами воеводам стоящих на пути городов об обхождении с ним и соответствующими отписками. Немало места в деле занимают материалы о приветственной и прощальной аудиенциях у царя с тщательно расписанным церемониалом. Переговоры излагались в протоколах, не имевших специального названия; к ним могли прилагаться переводы меморандумов, ходатайств и иных документов, подаваемых дипломатами. Здесь же хранились и переводы грамот курфюрста к царю.

На основе столбцов в начале 1670-х гг. была составлена посольская книга, охватывающая период с 1650 по 1671 гг. Материалы первичного делопроизводства копировались в книгу очень выборочно. Целый ряд посольств рассматриваемого периода вовсе не нашел в ней своего отражения; из некоторых дел скопировали лишь несколько документов; другие были списаны почти полностью¹³. Кроме того, в архиве хранятся подлинные грамоты курфюрста царю и экземпляры русско-бранденбургских договоров. Материалы фонда «Прусских дел» до последнего времени практически не публиковались. Этот недостаток лишь частично восполнен благодаря недавней публикации Е. И. Кобзаревой¹⁴.

Бранденбургские источники были использованы в настоящем исследовании по монументальной публикации «Документов и актов по истории бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма»¹⁵; отношения Бранденбурга с Россией в изучаемый период здесь посвящено два раздела¹⁶. Недостатком этого издания является то, что многие документы в нем напечатаны в сильно сокращенном виде, часто просто в пересказе. Однако это компенсируется тем фактом, что некоторые исследователи работали с материалами Берлинского тайного архива; в трудах С. Пуфендорфа, Ф. Хирша и Г. В. Форстена¹⁷ многие тексты даны в пересказе

¹³ РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. Кн. 2.

¹⁴ Е. И. Кобзарева. Отношения России и Бранденбурга в 50-е годы XVII в. // Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М., 2007. С. 311—340.

¹⁵ Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Berlin, 1864—1930. Bd. 1—23.

¹⁶ Ibid. Berlin, 1872. Bd. 6. S. 700—707; Berlin, 1884. Bd. 8. S. 3—78.

¹⁷ Pufendorf S. De rebus gestis Friderici Wilhelmi Magni, electoris Brandenburgici, commentariorum libri novendecim. Berolinum, 1695. P. 253, 290—291, 334—337, 396—397, 455, 493; Hirsch F. Op. cit. Passim; Форстен Г. В. Указ. соч. Passim.

или в выдержках, восполняющих пропуски публикации. Обнародованы и международные договора Бранденбурга¹⁸.

Основные разновидности документов в бранденбургском комплексе напоминают изложенную выше классификацию русских источников. Имеются инструкции, отчёты посольств в виде дневников, донесения, или реляции, протоколы. Кроме того, представлена частная переписка государственных деятелей, но по форме и по содержанию она весьма сходна с донесениями. Отличием бранденбургского документального комплекса от русского является больший удельный вес личной дипломатической переписки относительно материалов чисто делопроизводственного происхождения; в ней больше места занимает обмен мнениями; вообще личная точка зрения того или иного чиновника, в отличие от российских источников, много чаще находит выражение в бранденбургских актах совершенно эксплицитно.

В исследовании также привлекались материалы по сношениям России с другими странами: Польшей¹⁹, Швецией²⁰, Австрией²¹, Данией²² и Курляндией²³ – и материалы внешних сношений Бранденбурга²⁴, а также сообщения дипломатических представителей других стран²⁵.

¹⁸ Moerner T. von. Kurbrandenburgs Staatsverträge von 1601 bis 1700. Berlin, 1867.

¹⁹ РГАДА. Ф. 79.

²⁰ Там же. Ф. 96.

²¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1854. Т. 3.

²² РГАДА. Ф. 53.

²³ Там же. Ф. 63.

²⁴ Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Berlin, 1877. Bd. 7; Berlin, 1884. Bd. 8; Berlin, 1929. Bd. 23/1; Schlippenbach A. von. Zur Geschichte der Hohenzollerischen Souveränität in Preussen. Diplomatischer Briefwechsel des Königs Karl Gustav von Schweden und des Gesandten... Chr. K. von Schlippenbach aus den Kriegsjahren 1654—1657. Berlin, 1906; Protokolle und Relationen des

Следует отметить, что обеспеченность рассматриваемой темы источниками довольно высока; при этом наличие источников, происходящих и с российской, и с бранденбургской стороны, а также целого ряда известий от сторонних наблюдателей позволяет взглянуть на процесс русско-бранденбургских отношений с разных точек зрения, подвергая их заодно взаимной проверке и корректировке. И эта возможность приобретает тем большее значение, что до сей поры исследователи использовали её далеко не в полной мере. Основное внимание уделялось, как правило, показаниям западных источников; российский же документальный комплекс оказывался в неоправданном небрежении. Между тем жанровое разнообразие содержащихся в нем документов позволяет, при сопоставлении с иностранными источниками, реконструировать и задачи, и ход, и результаты контактов России с Бранденбургом.

В своей **методологии** исследование исходит из того положения, что политика, как правило, представляет собой рациональную целесообразную деятельность; следовательно, за политическими акциями стоят определенные замыслы, ведущие к определенной цели. Таким образом, на основании данных о предпринимаемых политиками действиях можно восстановить их планы и намерения; при этом необходимо учитывать как характерные для того времени и тех культур дипломатические практики, так и особенности политического сознания и правосознания деятелей той эпохи, насколько они известны и поддаются реконструкции на основании данных об их

Brandenburgischen Geheimen Rathes aus der Zeit des Kurfürsten Friedrich Wilhelm / Hrsg. von O. Meinardus. Leipzig, 1907. Bd. 5.

²⁵ Die Berichte des kaiserlichen Gesandten Franz von Lisola aus den Jahren 1655—1660 / Hrsg. von A. F. Pribram. Wien, 1887. (Archiv für österreichische Geschichte. Bd. 70); Lettres de Pierre Des Noyers secrétaire de la reine de Pologne Marie-Louise de Gonzague princesse de Mantoue et de Nevers, pour servir à l'histoire de Pologne et de Suède de 1655 à 1659. Berlin, 1859; Portofolio królowej Maryi Ludwiki. Czyli zbiór listów, aktów urzędowych i innych dokumentów, ściągających się do pobytu tej monarchini w Polsce. Poznań, 1844. T. 2.

деятельности. Герменевтический подход к релевантным текстам разрешает возникающую в этом случае ситуацию логического круга.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые целостно и на основании всех известных источников проанализировано такое направление внешней политики России, как ее контакты с Бранденбургско-Прусским государством на протяжении законченного периода их отношений. Ряд эпизодов из этих отношений, таких как миссии Д. Е. Мышецкого (1656 г.) и Ф. П. Обернибесова (1657 г.), до настоящего времени оставался практически не изучен. Другие сюжеты хотя и привлекали внимание исследователей, но часто разбирались на недостаточном или одностороннем источниковом материале. Настоящая работа заполняет подобные исследовательские лакуны. В тех случаях, когда те или иные дипломатические акции оказывались более изученными, углубленный анализ источников и хода событий позволил выдвинуть новые интерпретации для известных событий.

Практическая значимость работы. Результаты исследования, проанализированный в нем фактический материал и сделанные на его основе частные наблюдения могут быть использованы в работах, посвященных проблемам внешней политики России, ее вхождения в европейскую систему международных отношений, типологии ее внешнеполитических контактов, при подготовке обобщающих монографий, учебных пособий, курсов лекций и семинаров по истории России в период позднего Средневековья и раннего Нового времени и истории российской дипломатической службы.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России до начала XIX века Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Основные ее положения и отдельные выводы докладывались на международных и всероссийских конференциях, среди которых XV Скандинавская конференция (Москва, 2004), Вторые открытые исторические чтения «Молодая наука» (Москва, 2004), "Ломоносов-2005" (Москва), VI Уваровские чтения (Муром, 2005), XI Платоновские чтения (Самара, 2005) и

другие. По материалам диссертации опубликовано 5 статей и сообщений общим объемом 2 п. л. (Список публикаций приводится в конце автореферата.)

II. СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Диссертация состоит из Введения, включающего разделы «Историография» и «Источники», шести глав, заключения и списка источников и литературы.

Во **Введении** содержится постановка проблемы, обоснование актуальности темы, определяются проблематика, цели, задачи и хронологические рамки исследования.

Раздел **«Историография»** содержит характеристики работ, посвященных исследуемой теме. В нем показано развитие историографических представлений о русско-бранденбургских отношениях середины XVII века и обосновано обращение к теме с точки зрения историографической ситуации.

В разделе **«Источники»** описаны документальные комплексы, на основании которых проведено исследование, дана классификация источников, оценена степень их информативности и достоверности.

Глава 1 «Установление дипломатического контакта между Российским и Бранденбургско–Прусским государствами» посвящена процессу формирования социальной и символической инфраструктур, обеспечивавших дипломатический контакт России и Бранденбурга, «знакомство» этих государств и включение контрагента в картину мира политической элиты каждого из них.

В *первом параграфе* рассматривается предыстория контакта; показано, что спорадические эпизоды дипломатического сообщения между Россией, с одной стороны, и Бранденбургом и Пруссией, а с 1618 г., после их объединения, с Бранденбургско-Прусским государством – с другой, на

протяжении полутора столетий, с 1510-х до начала 1650-х годов, не обнаруживают между собой континуитета и не создали традиции общения двух государств. Даже в первые годы правления Алексея Михайловича, когда возникло несколько ситуаций, в которых можно было бы завязать отношения России и Бранденбурга, эти возможности не были претворены в жизнь. В существовавшей международной ситуации Россия и Бранденбург находились друг относительно друга в таком положении, когда их интересы нигде не пересекались, так что они могли поддерживать или не поддерживать отношения по желанию, не испытывая необходимости для налаживания контакта. И всё же результатом этих не доведенных до логического завершения контактов стало знакомство сторон друг с другом, в известном смысле оказавшееся предпосылкой для дальнейшего развития их отношений; взаимозависимость же политики двух этих государств появилась лишь после начала новой фазы международного кризиса в Восточной Европе, которое было отмечено открытием русско-польских военных действий в 1654 г.

Второй параграф посвящен знаниям и представлениям сторон друг о друге, прежде всего, об их политическом статусе среди других государств. Автором отмечено, что в России имели представление о вассальных отношениях бранденбургского курфюрста (в качестве прусского герцога) к польскому королю, что в русских терминах выглядело как утверждение, что курфюрст находится «у польского короля по Прусской земле в подданстве»²⁶. Это показывает, что в отличие от московского государя, претендовавшего на равенство с номинальным светским главой западнохристианского мира – римским (т. е. германским) императором и не позволявшим рассматривать себя ниже европейских королей, считавшихся персонами священными (*personae sacrae*)²⁷, а в российских терминах –

²⁶ РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1656. № 2. Л. 82; Hedenström A. Die Beziehungen zwischen Rußland und Brandenburg während des ersten nordischen Krieges. 1655—1660. Marburg, 1896. S. 13.

²⁷ The Princely Courts of Europe. Ritual, Politics, and Culture under the *Ancien Régime* 1500—1750. London, 2000. P. 28.

«великими государями монархами»²⁸ или «великими государями христианскими, помазанниками Божиими»²⁹, курфюрст в московских представлениях принадлежал к низшей группе правителей, которых царь не мог признать «братьями», т.е. равными себе. Подобный подход вызывал активное неприятие в Бранденбурге благодаря давнишней претензии курфюрстов на равенство с коронованными особами³⁰. Если учесть, что при бранденбургском дворе царя рассматривали как одного из королей и ставили ниже императора³¹, то можно заключить, что в идеале курфюрст не желал бы уступать в статусе московскому государю.

В *третьем параграфе*, где разобран дипломатический протокол, возникший в отношениях между контрагентами, показано, как в нем проявился рассмотренный в предыдущем параграфе конфликт представлений. Изучив формы церемониала, принятые при приеме послов, автор делает вывод, что для приема российских послов при бранденбургском дворе курфюрст должен был позаимствовать целый ряд церемониальных элементов, характерных для московского «посольского обычая». Наряду с ними использовались и элементы, принадлежавшие к традиции западноевропейского придворного церемониала. При этом прием российских послов в Бранденбурге оказывался почетнее, чем прием бранденбургских в России; таким образом демонстрировалась дистанция в иерархическом положении царя и курфюрста. Попытки бранденбуржцев сместить это соотношение в свою пользу не дали результатов.

В *четвертом параграфе* изучаются формуляр верительных грамот, дававшихся дипломатам царем и курфюрстом, и их титулатура в этих грамотах. Царские грамоты оформлялись по менее почетному для адресата

²⁸ РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1656. № 2. Л. 51.

²⁹ Там же. Ф. 74. Оп. 1. 1654. № 1. Л. 130 – 131.

³⁰ Krauske O. Die Entwicklung der ständigen Diplomatie vom fünfzehnten Jahrhundert bis zu den Beschlüssen von 1815 und 1818. Leipzig, 1885. S. 214.

³¹ [Zwanzig Z.] Ceremoniale brandenburgicum. Tremonia (Dortmund), 1699. S. 48, 76.

варианту «с отом» (когда начало грамоты звучало: «от великого государя» такому-то). Такой взгляд свысока подчеркивался и употреблением краткого титула курфюрста. К 1656 г., впрочем, без видимых политических причин царь перешел на обращение к курфюрсту с полным титулом. Курфюрст всегда старался использовать полный титул царя; лишь единственный раз в 1654 г. он отказался признать дополнения к титулу, сделанные после присоединения Украины; однако в 1655 г. при приближении царских армий к Пруссии курфюрст поспешил признать все добавления; после этого всякая корреляция титулования с политическими событиями перестает прослеживаться.

Пятый параграф посвящен обсуждению вопроса, можно ли говорить о России и Бранденбурге как о соседях в годы, когда их территории сомкнулись (1655—1661 гг., время московской оккупации Литвы). Рассматриваются проблемы пограничного контакта, перемещения населения (бегство обитателей Великого княжества Литовского в Пруссию и требования России об их возвращении), восприятия смежности территорий общественным мнением (страх перед возможным российским вторжением в Пруссию), спорных территорий, торговых отношений и маршрутов дипломатического сообщения и делается вывод, что ни по одному из этих параметров Россия и Пруссия не стремились к созданию соседских отношений. Перспективы для развития контакта, видимо, могли возникнуть только в случае закрепления России в Литве; до тех пор, пока это желаемое не превратилось в действительное, соседство России и Пруссии оставалось виртуальным. Хотя в пространстве они сомкнулись, это не привело к возникновению между ними новых связей, которые позволили бы говорить о них как о соседях.

В главах со **второй** по **шестую** изучается динамика русско–бранденбургских отношений, обусловленная ходом восточноевропейского международного кризиса и порожденными им изменениями российской и бранденбургской внешнеполитических программ.

Глава 2 «Отношения России и Бранденбурга во время русско-польской войны (1654–1655 гг.)» состоит из двух параграфов. В *первом* рассмотрена миссия подьячего гонца Ф. Ф. Порошина (май – июль 1654 г.). Как показал Л. В. Заборовский, посольство Порошина стояло в ряду посольств, направленных в европейские государства для дипломатического обеспечения готовившейся войны с Речью Посполитой. Оно имело целью потребовать от Бранденбурга не оказывать помощи Польше. Порошин должен был также добиться, чтобы курфюрст признал «украинские» добавления в титул царя. По мнению Заборовского, в случае успеха это стало бы шагом к международному признанию присоединения Украины³². Думается, что это предположение приписывает политическому сознанию московского правительства чуждые ему категории и правильнее было бы видеть здесь не политический расчет, а заботу о престиже царя. Реакция курфюрста на требования, переданные с Порошиным, оказалась сдержанно-неодобрительной, ибо ослабление Польши не отвечало его интересам. Он не признал титулов и не гарантировал полного нейтралитета. Однако в Москве удовлетвоались и таким ответом и не предприняли никаких дальнейших шагов к контакту с Бранденбургом.

Второй параграф посвящен миссии тайного секретаря Л. Киттельмана к царю в только что завоеванную им Вильну (август – сентябрь 1655 г.). Она была отправлена в момент, когда русские войска подходили к границам Пруссии, а в ходе начавшейся польско-шведской войны шведские войска заняли Варшаву. По всей видимости, окончательным стимулом для снаряжения посольства стало известие о падении Вильна. Основной задачей миссии было добиться от России гарантий ненападения на Пруссию; в то же время, стараясь найти противовес против шведской угрозы, курфюрст пытался найти поддержку против нее в Нидерландах и Австрии и, пользуясь случаем, сделал попытку вызвать в российском правительстве опасения

³² Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине 17 в. М., 1981. С. 35—36.

перед Швецией. Киттельман должен был и предложить союз против северной державы, хотя и не имел полномочий заключать его. В результате кратких переговоров гарантии безопасности землям курфюрста были царем даны; при этом остальные предложения Киттельмана проигнорированы. Очевидно, в данный момент Бранденбург еще не занимал места во внешнеполитических расчетах российского правительства. Обобщая итоги миссий Порошина и Киттельмана, можно сделать вывод, что в период русско-польской войны в России еще не сложилось осознания того, что Бранденбург может стать ее внешнеполитическим партнером. В 1654—1655 гг. российская позиция состоит в устранении курфюрста из русско-польского конфликта требованием о соблюдении нейтралитета и служит выражением курса на сохранение по возможности двустороннего характера войны.

В главе 3 **«Отношения России и Бранденбурга в период назревания русско-шведской войны (конец 1655 – весна 1656 г.)»** изучается один из самых малоисследованных эпизодов русско-бранденбургского контакта – посольство кн. Д. Е. Мышецкого в Курляндию, Бранденбург и Данию. В *первом параграфе* обрисовано развитие международной обстановки в Восточной Европе в первой половине 1656 г., когда обеспокоенное успехами Швеции в войне с Речью Посполитой российское правительство приняло в начале 1656 г. решение обратиться против нее свое оружие. *Второй параграф* посвящен подготовке миссии Мышецкого. Показано, что на основании вольной интерпретации недостоверных известий о положении Бранденбурга российское правительство предполагало привлечь его к союзу против Швеции. Но Москва была готова и к возможному отказу курфюрста от этого приглашения: на этот случай Мышецкий имел задание потребовать соблюдения Фридрихом Вильгельмом нейтралитета в грядущей войне. В *третьем параграфе* изучены переговоры Мышецкого с курфюрстом и его приближенными. Переговоры выявили, что положение намного хуже, чем ожидалось: оказалось, как ни пытались бранденбуржцы это скрыть от царского посланника, что курфюрст является союзником Швеции. Поэтому

от идеи союза с Бранденбургом Россия вынуждена была отказаться; а Мышецкий отказался в этих условиях дать гарантии того, что царь признает государство курфюрста нейтральным. В *четвертом параграфе* рассматриваются результаты миссии Мышецкого. Под ее воздействием курфюрст, вступив в союз со Швецией, выговорил себе право оставаться в стороне от русско-шведского конфликта и начал снаряжать ответное посольство, чтобы царь все-таки признал его нейтралитет.

Глава 4 «Отношения России и Бранденбурга во время русско-шведской войны (до начала 1657 г.)» посвящена периоду наиболее интенсивного дипломатического сообщения между Россией и Бранденбургом. В *первом параграфе* изложена динамика международной ситуации в регионе во второй половине 1656 г. Во *втором параграфе* разобрана вспомогательная миссия А. Шуберта (июль – август 1656 г.), в задачу которого входило предупредить царя о скором приезде полномочного посольства. *Третий параграф* посвящен миссии гонца дьяка Г. К. Богданова, посетившего курфюрста в сентябре 1656 г. В это время, летом 1656 г., возобновился дипломатический контакт России с Польшей, и в правительстве царя сильны были надежды на то, что удастся привести под его власть всю Речь Посполитую. Следствием таких настроений и стала миссия Богданова с предложением курфюрсту перейти «в подданство» к царю, т.е. признать вместо польского царский сюзеренитет над Пруссией. Аналогичное предложение было сделано и Курляндии. Таким образом, притязания на господство над Речью Посполитой распространялись и на вассальные от неё княжества. Впрочем, предусматривался и отказ курфюрста; в таком случае посланец должен был настаивать на соблюдении им дружественного нейтралитета. Это показывает, что, при всей настойчивости российского требования, царь стремился не приневолить курфюрста, но получить в нем добровольного подданного.

Тем не менее, предложение Богданова обеспокоило бранденбуржцев ещё сильнее, чем предложение Мышецкого, и, возможно, оно послужило одной

из причин, повлекших за собой укрепление союза Бранденбурга со Швецией (как с противовесом не только Польше, но и России) и заключение в ноябре 1656 г. договора между ними в Лабиау. Сам же проект московского сюзеренитета над Пруссией не получил развития ввиду несогласия с ним курфюрста.

В *четвертом параграфе* проанализирована миссия барона Й. К. фон Эйленбурга (июль – октябрь 1656 г.), служившая ответом на посольство Мышецкого и проанонсированная Шубертом. Эйленбург было призван заверить российское правительство в неучастии Бранденбурга в войне против России и заключить с ней пакт о ненападении. Переговоры Эйленбурга в царском лагере под осаждённой Ригой шли параллельно с переговорами Богданова в Кёнигсберге. По-видимому, поняв, что Ригу взять не удастся и что при таком положении слишком многого от Бранденбурга требовать нельзя, царское правительство окончательно остановилось на варианте нейтралитета, согласилось на предложения посла (построенные с максимальным учетом российской позиции, объявленной ещё Мышецким) и заключило с ним договор о взаимном нейтралитете (22 и 24 сентября ст. стилия)³³.

³³ Составлен в двух вариантах (один для царя, другой – для курфюрста). Первый: РГАДА. Ф. 74. Оп. 4. № 4; опубликован: Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных древнею Россиею с иностранными державами. СПб., 1880. Т. 5. С. 7—13; Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1. С. 402—405; второй: РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. Кн. 2. Л. 106—117; РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1656. № 7. Л. 1—7; немецкий перевод: Orlich L. Geschichte des preußischen Staates im 17. Jahrhundert. Bd. 3. Berlin, 1839. S. 365—371 (не по самому исправному списку и с немалым количеством ошибок); Sommerfeldt G. Aus Kurbrandenburgs Beziehungen zu Rußland im Jahre 1656: Der Rigaer Staatsvertrag vom 4. Oktober 1656 // Forschungen zur brandenburgischen und preußischen Geschichte. Bd. 22. Ht. 2. (1909) S. 267—273; в пересказе: Moerner T. Kurbrandenburgs Staatsverträge von 1601 bis 1700. Berlin, 1867. S. 209—210; недавно издан и русский текст, впрочем, не атрибутированный публикатором: Е. И. Кобзарева. Отношения России и Бранденбурга в 50-е годы XVII в. // Русская и украинская

Немаловажен факт того, что на переговорах с Эйленбургом российская сторона приняла предложение курфюрста о его посреднических услугах для урегулирования русско-шведского конфликта (впервые появившееся ещё в беседах с Мышецким). Этот проект не раз потом возникал при русско-бранденбургском контакте вплоть до 1658 г.; и хотя он не осуществился, интерес к нему российского правительства показывает, что оно искало путей для того, чтобы выяснить, существует ли возможность мирных переговоров со Швецией.

В *пятом параграфе* рассмотрена миссия посланников дворянина И. А. Францбекова и подьячего М. Львова, направленная к курфюрсту с целью получить ратификацию заключенного с Эйленбургом договора и продолжить переговоры о посредничестве между Россией и Швецией.

В конце главы подведен ее итог: в течение 1656 г. российское правительство пыталось в той или иной форме привлечь Бранденбург к союзу и установить с ним более тесные отношения; но всем, чего удалось добиться, – был Рижский договор о нейтралитете; и именно взаимный нейтралитет составлял суть русско-пруссских отношений в этот период. В России готовы были терпеть шведско-бранденбургское сотрудничество, лишь бы оно не было направлено против царя.

Глава 5 «Отношения России и Бранденбурга в период русско-польского сближения (конец 1656 г. – начало лета 1657 г.)» излагает еще один сюжет, практически не попадавший в поле зрения исследователей: миссию дворянина Ф. П. Обернибесова (декабрь 1656 – май 1657 г.). Автором выявлено воздействие русско-польских отношений на развитие русско-бранденбургского контакта в этот период.

Первый параграф посвящен рассмотрению международной обстановки в первой половине 1657 г. и происшедшим в ней изменениям после заключения между Россией и Речью Посполитой перемирия в Вильне (24

ноября старого стиля). Во *втором параграфе* изучен ход посольства Обернибесова, который показывает, что после заключения Виленского перемирия, когда Россия и Польша стали союзниками, а царю было обещано избрание на польский престол, отношение к Бранденбургу изменилось: пока Россия воевала со Швецией сама по себе, в ней готовы были терпеть шведско-бранденбургское сотрудничество. Надеясь на скорое избрание царя (хотя и осознавая, что в Речи Посполитой есть оппозиция этому проекту), Россия взялась за дипломатическую поддержку своего нового союзника. Теоретически Виленский договор предусматривал военные действия против Пруссии, ограниченные лишь очень шатким условием: «если Прусский князь не будет припущен до милости Речи Посполитой»³⁴; но в России не стремились к войне с курфюрстом. Однако союз Бранденбурга со Швецией оказался несовместим с новым пропольским курсом российской политики; проявлением этого курса стало жесткое требование курфюрсту порвать со Швецией и помириться с Польшей, которое и передал Обернибесов. Позиция Бранденбурга на переговорах с ним свелась к отстаиванию своего права, коль скоро курфюрст нейтрален по отношению к России, вести войну с Польшей.

В *третьем параграфе* проанализировано обсуждение прусского вопроса на русско-польских переговорах в первой половине 1657 г. и показано, как попытки поляков побудить Россию к враждебным действиям против Бранденбурга встречались с упорным нежеланием Москвы ухудшать с ним отношения.

Завершает главу *четвертый параграф*. В нем показано, что правительство, подводя после возвращения Обернибесова итоги его миссии, *de facto* согласилось с тем, что у Бранденбурга есть основания для борьбы с Речью Посполитой. И хотя посланнику удалось добиться уступок курфюрста по всем пунктам (правда, только на словах), правительство впоследствии, в начале лета, фактически отказалось от этого успеха, что было связано с

³⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Спб., 1830. Т. 1. С. 408—409, 411.

охлаждением в течение 1657 г. русско-польских отношений из-за невыполнения польской стороной своих виленских обязательств. Продемонстрировано, далее, что в Бранденбурге с большим беспокойством восприняли пропольскую позицию России, выраженную Обернибесовым. Ее оценили как важное препятствие для шведской политики и увидели в ней потенциальную угрозу для своей безопасности. Подобная оценка сделалась одним из катализаторов, подталкивавших сближение Фридриха Вильгельма с Речью Посполитой и его разрыв со Швецией, последовавшие летом 1657 г.

В главе 6 «Россия и Бранденбург в период ухудшения русско-польских отношений (середина 1657 – 1658 г.)» рассматривается время, когда интенсивность русско-бранденбургских отношений начала постепенно угасать.

Первый параграф дает фон для этого процесса. В нем обрисована эволюция международной ситуации в 1657 – 1658 гг., отмеченная такими поворотными событиями, как формирование антишведской коалиции с участием Бранденбурга, обострение русско-польских отношений вплоть до открытия военных действий осенью 1658 г. и улучшение отношений русско-шведских, завершившееся заключением в декабре 1658 г. Валиесарского перемирия.

Во *втором параграфе* рассмотрены задачи миссии камер-юнкера Ф. И. фон Борнтина, направленной к царю после перехода курфюрста со шведской на польскую сторону в сентябре 1657 г. (договор в Велау). Присоединение Бранденбурга к польской коалиции делало для него крайне нежелательным становившийся всё более вероятным русско-польский разрыв; попыткой предотвратить его и стала миссия Борнтина. Через него курфюрст предлагал свои услуги для устранения разногласий России и Речи Посполитой. Одновременно курфюрст побуждал царя активизировать борьбу со шведами. В *третьем параграфе* разобраны переговоры Борнтина в Москве, прошедшие в феврале 1658 г., на которых посланник пытался убедить российское правительство принять предложения курфюрста.

В *четвертом параграфе* проанализированы результаты посольства и показано исчезновение точек соприкосновения в позициях России и Бранденбурга. В Москве в это время были настроены мириться со Швецией; прогнозы же об отношениях с Польшей, наоборот, были более пессимистичными. Поэтому российское правительство приняло решение использовать услуги курфюрста, и не только для побуждения Речи Посполитой к миру, но и для отделения от неё Великого княжества Литовского и закрепления его за Россией (миссия стольника А. И. Нестерова, март – сентябрь 1658 г.). Однако в России неверно оценили позицию курфюрста. Ориентация на Польшу была в тот момент непререкаемой доминантой его политики, и поэтому его сотрудничество с Россией в деле расчленения Речи Посполитой полностью исключалось; и очередной проект сотрудничества между Россией и Бранденбургом оказался неисполнимым. А заключение в конце 1658 г. перемирия со Швецией и начало новой войны с Польшей на долгое время лишили Россию и Бранденбург точек соприкосновения. Интересы курфюрста заключались теперь в войне со Швецией и попытках вытеснить её из Померании; для России же на первое место вышел украинский вопрос, и борьба с Речью Посполитой за Украину поглотила все силы Московского государства. В этих предприятиях Россия и Бранденбург ничем не могли помочь друг другу, и потому не имели оснований для контакта и взаимодействия.

В **Заключении** подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы. Бранденбург оказался довольно неудобным партнером для России. Вынужденный всё время лавировать между более могущественными державами, и крайне непостоянный в своей политической позиции, он был почти непредсказуем для партнеров. Контакт с Бранденбургом предоставлял Московскому государству мало возможностей для улучшения своего внешнего положения. Ему нельзя поставить в упрёк отсутствие старания: оно делало попытки привлечь Бранденбург для решения своих проблем; но этим попыткам недоставало гибкости и понимания положения, в котором в

каждый данный момент находился курфюрст. Недоверие контрагентов друг к другу не давало им возможности добиться друг от друга иных результатов, кроме взаимного подтверждения нейтралитета. В силу того, что польский и шведский вопросы понимались ими во многом по-разному, Россия и Бранденбург не сумели воспользоваться теми возможностями повлиять на международную обстановку, которые открывались благодаря контактам этих стран друг с другом.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Прудовский П. И. К предыстории Валиесарского перемирия 1658 г.: проект бранденбургского посредничества между Швецией и Россией // XV конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 2004. Ч. 1. С. 120—122. 0,15 п.л.

Прудовский П. И. Проблематика русско-бранденбургских переговоров и заключение Рижского договора 1656 г. // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2005». Секция «История». Сборник тезисов. М., 2005. С. 6—9. 0,25 п.л.

Прудовский П. И. К вопросу формирования дипломатического протокола: Россия и Бранденбург в середине XVII века // Вестник архивиста. 2005. № 1 (85). С. 252 – 259. 0,4 п.л.

Прудовский П. И. Почему в архиве не сохранилось дело о миссии бранденбургского посланника Л. Киттельмана к Алексею Михайловичу? // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 636—644. 0,5 п.л.

Прудовский П. И. Начало русско-шведской войны 1656—1660 гг. и генезис Рижского договора 1656 г. Между Россией и Бранденбургом // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2007. № 5. С. 21—32. 0,7 п.л. (Журнал входит в перечень изданий, рекомендованных ВАК.)